

A detailed illustration for a book cover. In the foreground, a young woman with blonde hair in a bun, wearing a grey off-the-shoulder sweater and a thick orange scarf, sits on a floor covered with books. She is looking into a large, ornate, arched mirror. Inside the mirror, a darker, more ethereal version of her is visible, with her hands pressed against the glass. The background of the mirror shows a fantastical, dark blue and black landscape with a large rabbit-headed statue, a figure on a throne, and various floating objects like books and masks. The overall atmosphere is mysterious and magical.

Маша
Тусина

Тот, кто
займет
мое место

Маша Тусина

Тот, кто займет мое место

«Автор»

2026

Тусина М.

Тот, кто займет мое место / М. Тусина — «Автор», 2026

Ей было восемнадцать, когда она шагнула в зеркало — не из любопытства, от отчаяния. Лина всю жизнь была чужой тенью: нелюбимая дочь, вечная дублёрша младшей сестры. И когда незнакомка предложила выход по ту сторону стекла, она согласилась не раздумывая. Теперь Лина заперта в Зазеркалье и ждёт того, кто займёт её место. Каждому гостю старого замка она плетёт смертельно красивые легенды, обещая спасение. Но правда в том, что Лина давно перестала быть жертвой. Она стала ловушкой. И каждая новая встреча приближает её к разгадке: освободиться можно, только перестав лгать. Первый, кому нужно сказать правду, — она сама. Мрачная, обволакивающая история о семье, где тебя не видят, о выборе, который кажется выходом, и о смелости посмотреть в глаза собственному отражению.

© Тусина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Маша Тусина

Тот, кто займет мое место

Пролог

Старый замок стоял на скале, как забытая чашка на краю стола, которую боятся сдвинуть, чтобы не разбудить тех, кто под ней спит. Каменные стены покрылись мхом так густо, что казалось — замок отращивает себе шубу на зиму, хотя зимы в этих краях не помнили даже призраки. Окна-бойницы смотрели на мир тёмными глазницами, и в них давно не зажигали свет, потому что свет отсюда не выходил. Только входил. Вместе с любопытными путниками, которые верили, что старое здание может быть просто старым зданием.

Но оно не было.

Призраки, населявшие замок, не имели ни лиц, ни голосов — только шепот, похожий на шуршание гербария или шелест давно не открываемых страниц. Они радовались каждому гостю. Не потому что были гостеприимными, а потому что им было скучно. А призракам, которые живут в камне тысячелетия, скука страшнее любого проклятия.

В самом глубоком зале, там, где пол был выложен плитами, помнившими шаги рыцарей, а потолок терялся в темноте, стояло Зеркало. Не то, в которое смотрятся, поправляя причёску. Другое. Старое, с потускневшей амальгамой, в массивной раме из чёрного дерева, на которой кто-то когда-то вырезал вязь, похожую то ли на имена, то ли на заклинания. Зеркало не отражало действительность. Оно показывало прошлое, будущее, а чаще всего — то, чего вообще не было, но могло бы быть, если бы кто-то сделал неправильный выбор.

За этим зеркалом, в пространстве, где нет ни воздуха, ни времени, уже восемь лет жила Лина. Ей было восемнадцать. Всегда восемнадцать. Потому что в Зазеркалье не стареют — просто забывают, что такое утро.

Она сидела на полу, поджав ноги, и смотрела в комнату по ту сторону стекла. Там, в главном зале замка, было пусто. Только призраки иногда проплывали неспешно и исчезали в стенах. Только пыль танцевала в тонком луче солнца, пробившемся сквозь единственное окно, которое ещё пропускало свет.

Лина поёрзала, и вязаная туника, когда-то облежавшая её как вторая кожа, немедленно съехала с плеча. Ворот сполз, обнажив родинку под ключицей — ту самую, которую мама в детстве называла «поцелуйчиком». Длинный кардиган цвета мокрого асфальта, накинутый сверху, потускнел и стал цвета сизого пепла. Когда-то у него было четыре пуговицы из тёмного дерева. Теперь — три. От четвёртой осталась только нитка и воспоминание: Лина лупила кардиганом по стеклу, пытаясь докричаться до очередного туриста, который сбежал, смешно перебирая ногами. Пуговица раскололась и осыпалась в небытие.

Джинсы - тёмно-синие скинни, в которых она шагнула в зеркало, выцвели до бледно-сизого. Колени протерлись и на одном — левом, зияла прореха. На правом колене красовалась кривая заплатка из куска подола кардигана — в постоянном сумраке Зазеркалья Лина научилась шить вслепую. С трудом, вытягивания каждый стежок из собственных нервов. Получалось неаккуратно, но держалось.

Кеды цвета хаки, с развязанным бантом на левом, стояли рядом. На правом кедке темнели размытые чернильные пятна — когда-то в Зазеркалье пролился флакон, привидевшийся из ниоткуда, и чернила въелись в ткань навечно, как напоминание о том, что даже пустота может испачкаться. Лина сняла кеды, когда поняла, что выходить всё равно некуда. Босиком было теплее. Или холоднее — она уже не различала.

На шее болтался шарф — единственная вещь, появившаяся здесь не из её прошлого. Терракотовый, вязаный, с кистями. Его оставила женщина из той семьи, которая приезжала с ребёнком и ушла, даже не подозревая, что Зеркало умеет говорить. Лина намотала шарф на шею в два оборота и прятала в него подбородок, когда казалось, что призраки начинают смотреть слишком пристально. Шарф пах лесом и чужим счастьем. Она давно забыла, как пахнет её собственное.

Волосы пепельно-русые, когда-то уложенные в аккуратную причёску, теперь были стянуты в неровный пучок на затылке. Отдельные пряди выбились и падали на лицо, обрамляя его бледными локонами. Она не стриглась, но волосы и не росли — просто запутывались, и Лина иногда сидела, глядя в стену, и бездумно распутывала их длинными бледными пальцами. Кончики пальцев всегда были холодными.

Глаза у неё были светло-серые, с тёмной каймой по краю радужки, и смотрели они напряжённо, настороженно. В них ещё теплился слабый огонёк надежды — такой же неровный, как пламя свечи на сквозняке. Но огонёк этот гас ровно в тот момент, когда Лина смотрела на своё отражение в зеркале и видела, что она ни капли не изменилась. Всё те же тонкие брови, чуть сдвинутые к переносице. Всё те же бледно-розовые сухие губы, сжатые в нитку. Всё та же привычка покусывать нижнюю губу, когда она нервничала — а она нервничала всегда.

Рядом, на полу, валялась книга — та самая, которую Лина читала младшей сестре Соне. Люис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье». Обложка истрёпанная, страницы пожелтели, но книга была здесь, в Зазеркалье — единственное вещественное доказательство, что день, когда все пошло не так, когда-то существовал.

— Ты опять молчишь, — сказала Лина Зеркалу.

Зеркало не ответило. Оно вообще предпочитало отвечать, когда его не спрашивали.

Лина встала, провела рукой по стеклу. Длинные пальцы коснулись отражения — и отражение коснулось её в ответ. В Зазеркалье всё было наоборот. Даже боль.

— Сколько можно? — спросила она тихо. В голосе всё ещё слышалась та самая хрипотца, которая появилась от долгого одиночества. Она не знала, что её голос уже не звучал как прежде — он стал ровным, почти безразличным. Только когда она пыталась кого-то уговорить, там появлялась едва уловимая певучая сладость. Сладость фальши.

Зеркало моргнуло. Не как человек — как старая лампа, которая вот-вот перегорит.

«Ты знаешь правила», — прошелестело внутри головы. Не голос — скорее ощущение.

— Знаю, — сказала Лина. — Должна найти того, кто займёт моё место.

«Ты освободишься тогда, когда найдёшь того, кто займёт твоё место», — процитировало Зеркало ту самую фразу, которую вырезали на раме. Фразу, которую Лина перечитала тысячу раз, пока не выучила наизусть, пока она не въелась в подсознание, как навязчивая мелодия.

— Я пробовала. Они пугаются. Убегают. Один, — она поморщилась, — кинул камень. Ты чуть не разбилось, а я чуть не рассыпалась вместе с тобой.

«Это было неприятно», — признало Зеркало. — «Он не хотел слушать».

— Никто не хочет слушать, — Лина отошла от Зеркала и принялась расхаживать по комнате. Она двигалась бесшумно, крадучись, как дикий зверь, привыкший не привлекать внимания. Руки она спрятала в карманы кардигана — так ей было спокойнее. — Алиса заманила меня. Специально. Чтобы выйти.

«Да, специально. Она была здесь восемь лет до тебя. И кто-то был до неё. И до того кто-то. Зеркало старое, Лина. Оно помнит всех».

— Я больше не могу быть следующей в этой цепочке, — она остановилась у стены и прислонилась лбом к холодному камню. Так она стояла часами, когда уставала думать. — Я хочу домой.

«Домой, — эхом повторило зеркало. — Домой, домой. А что ты там забыла? Там все выросли. Соне сейчас восемнадцать. Твои родители они уже, наверное, перестали ждать».

— Не перестали, — выдохнула Лина, но сама не поверила своим словам.

«Ты знаешь, что я говорю правду. Я показываю только то, что есть. Или было. Или будет. Я очень старое, эти линии иногда путаются».

Лина отлепилась от стены, провела рукой по лицу. Пальцы нащупали складку между бровями — привычку хмуриться. Она хмурилась теперь постоянно, даже во сне. Если она вообще спала. В Зазеркалье не было ночей, только вечный серый сумрак, напоминающий предрассветные часы, когда небо ещё не решило, стоит ли светлеть.

Она подошла к зеркалу снова, коснулась стекла. На этот раз не пальцами, а кончиками ногтей. По стеклу побежали тонкие серебристые линии — они складывались в сцены, которых не было. Вот она сидит за столом, рядом мама и папа. Вот сестра Соня показывает ей новое платье. Вот кто-то держит её за руку — но лица не разглядеть.

— Хватит, — сказала Лина. Линии исчезли.

Она посмотрела на свою бледную руку, на длинные пальцы, кончики которых всегда были холодными. Ногти коротко острижены кое-как — она грызла их, когда злилась. На указательном остался крошечный остаток старого розового лака — напоминание о той Лине, которая существовала до. Та Лина красила ногти, верила в чудеса и читала Соне сказки на ночь.

— Я не хочу больше ждать, — сказала она уже шёпотом. — Я готова на всё. На любой обман. Я больше не буду жалеть их.

«Ты это уже говорила», — напомнило зеркало.

— В этот раз я доведу до конца.

«Хорошо, — Зеркало потеплело под её пальцами. — Посмотрим».

Лина отошла, села на пол, поджала ноги. Достала из кармана маленькое перламутровое зеркальце на цепочке — единственное, что осталось от матери. Она никогда в него не смотрелась — в Зазеркалье отражение всё равно искажено. Но она крутила его в руках, открывая и закрывая крышку. Щёлк — открыла. Щёлк — закрыла.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Этот звук напоминал ей, что она ещё жива. Что сердце бьётся. Что где-то там есть другой мир, где время идёт, люди стареют, а кофе остывает.

— Я выйду, — сказала она зеркальцу. — Обманом, правдой. Но выйду.

Она спрятала зеркальце обратно, намотала шарф на шею поплотнее и застыла в неподвижности. Вот так она умела сидеть часами, глядя сквозь стекло в ту комнату. Призраки в зале зашевелились, зашептали. Они знали — скоро кто-то придёт. Почти чувствовали.

Лина смотрела на дверь главного зала. Ждала. Глаза её были пусты, но внутри, где-то глубоко, тлел уголёк. Он тлел уже восемь лет.

— Приходите, — прошептала она. — Пожалуйста. Кто-нибудь.

И в этот момент ветер снаружи завыл громче. Где-то хлопнула дверь.

1

В день своего восемнадцатилетия Лина проснулась от того, что в ванной грохнулся фен — Соня, собираясь, задела его локтем. «Осторожнее, звёздочка!» — тут же пропела мама из спальни, и в голосе было столько тепла, что им можно было обогреть квартиру. Только Лине из этого тепла никогда не перепадало. Она лежала под тонким одеялом и смотрела на календарь: двадцать третье октября. Среда. Обычный день. Никто не поздравил. Даже папа, который обычно хотя бы бурчал «ну, расти большая», наспех завязывая галстук, сегодня промолчал, поглощённый разговором о педагоге из Москвы.

На кухне мама, страдальчески прижимая пальцы к вискам, объявила: «У меня мигрень. Отведи Соню в студию на показ. Ты же понимаешь — это её шанс. Единственный. Не упusti». Лина понимала. Всегда понимала. Она налила чай, стараясь не стучать чашкой — маму раздражали звуки. Соня вплыла в коридоре, уже при полном блеске для губ и с заимствованной заколкой: «Дай, у меня костюм рассыпался. Твоя всё равно лежит без дела». Заколка — подарок папы трёхлетней давности — скрылась в Сониной причёске. Лина молча проводила её взглядом.

До студии ехали на автобусе — мама не доверила бы машину неопытному водителю без прав, а сама с мигренью за руль не села. Соня всю дорогу в голос репетировала монолог, заставляя пассажиров оглядываться, и Лине хотелось провалиться сквозь сиденье. Она думала о книжном на соседней улице: там, на полке, её дожидался учебник по когнитивной психологии — она копила полгода, отказывая себе в обедах, и знала каждый потёртый уголок на обложке. Сегодня, после того как Соня отсияет, она наконец заберёт его. Эта мысль грела, как крошечный уголёк в кармане.

В коридоре студии она просидела три часа. Слушала, как за дверью сестра смеётся и рыдает, срывая аплодисменты, и представляла, что вечером откроет учебник, вдохнёт запах типографской краски и скажет себе: «Вот оно, моё. Только моё». Но когда, отпустив сияющую Соню к подружке на соседний латте, она влетела в книжный, продавщица взглянула на неё с недоумением:

— Девушка, так ваш заказ уже забрали. Час назад. Девушка, очень на вас похожая. Буквально вы. Сказала, что спешит, что передаст книгу вам лично. Я ещё удивилась — обычно сестры так друг о друге не заботятся.

Лина застыла. Внутри что-то осыпалось — не с грохотом, а тихо, как сухая штукатурка. Похожая? Передаст лично? У неё не было двойников. «Этого не может быть», — прошептала она. «Ну, может, сюрприз, — пожала плечами продавщица. — Девушка была очень весёлой. Улыбалась. Глаза блестели, как у человека, который получил то, что хотел».

Дома мама уже накрыла стол в честь Сониного триумфа. Торт, свечи, шампанское для родителей. Лине налили сок и посадили с краю. Говорили только о педагоге из Москвы, о таланте, об искре, о том, что «наша звёздочка далеко пойдёт». Слов «день рождения» не прозвучало ни разу. Лина ковыряла вилкой салат и убеждала себя: это нормально. Просто сегодня важный день для сестры. Мама так заботится. У нас нормальная семья. Убеждение держалось, пока она не встретилась взглядом с папой. Он отвёл глаза и потянулся за бутылкой.

Ночью, когда Соня раскинулась на кровати, бормоча во сне реплики, Лина сидела на подоконнике и смотрела на книжную полку. Взгляд упал на потрёпанный корешок — «Алиса в Зазеркалье». Эту книгу она читала сестре, когда та была ещё просто смешной девчонкой с косичками, а не «звёздочкой». Соня прижималась к ней, дёргала за рукав: «Ещё главу!» Лина любила те вечера. Сейчас книга пылилась, забытая. Она взяла её, провела пальцами по обложке — из страниц выскользнул сложенный листок в клеточку. Чётким, почти детским почерком на нём было написано:

«Лине. Я знаю, что ты потеряла сегодня. Приходи в старый замок на скале. Я покажу тебе то, что ты должна увидеть. А.»

Подпись — одна буква. Но Лина вдруг совершенно точно поняла, кто это. Девушка из книжного. Та, что улыбалась. Сердце забилося часто и неровно: не страх — предчувствие. Она сунула книгу в рюкзак, накинула кардиган и выскользнула в ночь. Никто не окликнул. Мама с папой обсуждали летние курсы для Сони.

Замок на скале нашёлся сразу — луна висела над ним, как старая театральная лампа. От каменных стен веяло холодом и мхом. В главном зале было пусто, если не считать призраков, похожих на движение воздуха. И в глубине стояло Зеркало. Огромное, в почерневшей раме, с амальгамой, которая не отражала ничего — только серую дымку, словно за стеклом лежал другой мир. Лина подошла ближе.

Дымка пошла рябью. В глубине проявилась фигура — девушка, та самая, из книжного. Только теперь Лина заметила: она действительно была её отражением. Те же пепельно-русые волосы, та же родинка под ключицей. Но одежда другая — свободная, стильная, яркий шарф, которого Лина никогда не носила. И глаза. Эти глаза смотрели дерзко, весело, без тени сомнения.

— Привет, — сказала девушка. Голос прозвучал прямо в голове, минуя уши. — Я Алиса. Не пугайся. Я здесь, чтобы помочь.

— Ты украла мою книгу, — выдохнула Лина, и голос дрогнул.

— Я показала тебе, как легко у тебя отнимают даже то, что ты считаешь своим. — Алиса улыбнулась, но без злобы, скорее с грустью. — Посмотри сюда.

Зеркало мигнуло, и вместо сумрака Лина увидела... себя. Но другую. Та Лина стояла на сцене, яркий свет софитов золотил её волосы. Она не пряталась в тени — она говорила, и зал слушал, затаив дыхание. Не актриса. Психолог. Лектор. Рядом на экране мелькали слайды с заголовками, которых Лина ещё не понимала, но чувствовала их значимость. На переднем ряду сидел папа и смотрел с гордостью, от которой у него блестели глаза. Соня, повзрослевшая, держала за руку маму — и мама не пыталась вырваться. Она плакала. Светло, без театральных нот. И в этом беззвучном видении прозвучал голос Алисы:

— Вот кем ты могла бы быть. Вот что я могу тебе дать. Ты больше не будешь ошибкой. Не будешь тенью. Тебя увидят. Услышат. Ты станешь той, кого уважают, кому говорят «спасибо», кого ждут дома не с чувством вины, а с радостью. Разве ты не хотела этого? С самого детства?

Лина смотрела, не в силах оторваться. Эта женщина в зеркале повернулась и взглянула прямо на неё — не с жалостью, а с уверенным вызовом: «Ты сможешь». В животе разлилось тепло, какое бывает, когда мама гладит по голове — только сильнее. Она хотела быть ею. Всеми фибрами души, каждой загубленной мечтой.

— Как? — прошептала она. — Как мне стать ею?

Алиса приблизилась к стеклу, их лица почти соприкоснулись.

— Просто коснись зеркала. Шагни сюда. Я научу тебя. Здесь, за гранью, ты начнёшь всё заново. Ты выйдешь другой — сильной, свободной. Той, кого ты видела. Обещаю.

— А ты?

— А я устала. Я была здесь долго и хочу отдохнуть. Пусти меня в мир, а сама войди. Это обмен. Ненадолго. Вскоре ты сама сможешь вернуться — или остаться. Выбор будет за тобой.

Алиса протянула руку. Пальцы коснулись стекла изнутри, и по поверхности побежала лёгкая рябь. Видение ещё дрожало в глубине, как обещание, за которое не жалко отдать что угодно. Лина смотрела на другую Лину — смелую, любимую, нужную — и понимала, что больше не хочет возвращаться в свою старую жизнь. Та жизнь сегодня показала ей своё истинное лицо: пустой кошелек, пустая тарелка, чужая заколка в чужих волосах.

Она подняла руку и коснулась стекла.

Ледяной холод скользнул от кончиков пальцев до плеча. В тот же миг что-то лёгкое и тёплое пронеслось мимо неё — Алиса выходила наружу, улыбаясь, почти смеясь. Лина не успела испугаться: тело потеряло равновесие и провалилось вперёд, в серый сумрак, в безвременье. Обернувшись, она увидела, что стоит уже по ту сторону, а там, в реальном мире, девушка с её лицом отряхивает с рукавов невидимую пыль и идёт к выходу из замка. В её походке не было ни капли сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.